

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА БОЕВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии и общегуманитарных дисциплин, Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
g_boeva@rambler.ru

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ С. ПШИБЫШЕВСКОГО И Л. АНДРЕЕВА: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ

Восприятие в России начала XX века Андреева как «двойника» Пшибышевского во многом объяснялось желанием найти новаторству русского писателя некий «эквивалент» в искусстве европейском. Декадент Пшибышевский, будучи «культовым» писателем славянского мира, как никто другой подходил на эту роль. Важную роль в создании ассоциативности двух имен для русского читателя сыграли издательская политика журналов «Весы» и «Золотое руно» и публичная дискуссия о «половом вопросе» в литературе рубежа веков. Оба писателя транслировали в своих пьесах актуальную для русского читателя философию пессимизма и индивидуализма, причем различия между «философией пола» Пшибышевского и метафизическими поисками Андреева зачастую игнорировались. Оба обращались к острым противоречиям современной жизни, в изображении которых часто концентрировались на исключительном, граничащем с патологией. Критика усматривала близость драматургической практики двух авторов на уровне тем и мотивов, символики, языка и стиля. Много общего обнаруживается в теоретических установках драматургов: отказ от зрелищности, декларация «живого символа», стремление воссоздать на сцене жизнь «нагой души» («психе») – причем этот ключевой для европейского модернизма концепт отнюдь не равен в их понимании традиционному психологизму. Писатели близки в смелом исследовании глубин подсознания, в обращении к мифу и в поисках нового синтеза в театре – синтеза эпического и драматического. Предпринятое сопоставление позволяет вести речь о типологической общности новаций Пшибышевского и Андреева, определяемой модернистской парадигмой. Схожей оказалась и судьба драматургического наследия двух писателей: после феноменального успеха оно было надолго забыто, а в настоящее время вновь становится актуальным в культурном пространстве.

Ключевые слова: Станислав Пшибышевский, Леонид Андреев, театр, драматургия, новаторство, рецепция, символизм, критика

Сравнение Андреева (1871–1919) с Пшибышевским (1868–1927) в начале XX века – в самых различных модусах и контекстах – было общим местом российского критического дискурса. Отметим и их феноменальную популярность у русского читателя, что очевидно из статистических данных книжных выдач в российских библиотеках начала века¹. Причем Пшибышевский, чьих книг в период с 1908 по 1911 год было переведено на русский язык более пятидесяти, едва ли не опережает по востребованности Андреева, находившегося в это время в зените славы.

Авторитетную пропаганду творчества обоих писателей, формирующую их родственность в читательском сознании, вели символистские журналы «Весы» и «Золотое руно», для которых сближение западноевропейского и русского искусства было своего рода миссией. Кстати, первое сопоставление имен Пшибышевского и Андреева было предпринято именно на страницах «Весов»: это сделано К. Чуковским в статье «Пшибышевский о символе», написанной им после чтения польским писателем в Одессе 24 и 28 октября 1904 года реферата «Новая драма и символизм»². В Пшибышевском, воплощающем

«трагедию обще-души», критик видит одного из выразителей устремлений к абсолютному, надвременному, наряду с Броунингом, Метерлинком, Гамсуном, Уитменом – и Андреевым, «пренебрегшим всеми бытовыми, временными, психическими наслоениями жизни на сущность человеческого я, и пытающимся воплотить в образах отвлеченные идеи, категории абстрагирующего мышления».

В 1906 году «Весы» публикуют драму Пшибышевского «Вечная сказка» (1906), которая в том же году с большим успехом будет поставлена В. Мейерхольдом в театре В. Комиссаржевской, практически одновременно с другой его работой в этом театре – «Жизнь Человека» (1906) по пьесе Андреева. К этому времени Пшибышевский уже снискал шумный успех на европейской сцене – как автор драм о власти пола над человеком, о роковых страстиах, изменах и самоубийствах: «Мать» (1903), «Снег» (1903), «Обручение» (1906) и др. На российской сцене Пшибышевский тоже преуспел – благодаря Комиссаржевской и прежде всего Мейерхольду, который в постановке «Снега» в Херсоне в 1903

году закладывает основы своего новаторского режиссерского метода.

Журнал «Золотое руно» (1906–1909) – другой авторитетный орган печати символистов, главный оппонент «Весов» и еще более амбициозная «площадка» для смотра наиболее интересных молодых литературных сил Европы. Уже в первом номере, провозглашая в качестве источника искусства *души* (центральное понятие в эстетике Пшибышевского, поэта «нагой души»), редакция обозначает близость своих установок художественным поискам Европы. Примечательно, что одна из пьес Пшибышевского – вполне в духе символистской образности и жизнетворческого мифологизма, транслируемых со страниц журнала, – называется «*Złote runo*» («Золотое руно», 1901).

За три года существования «Золотого руна» произведения Андреева и Пшибышевского не раз соседствуют на его страницах, причем с явным количественным перевесом последнего. Интересно, что знакомство русского читателя с теорией пола Пшибышевского, изложенной им в статье «К этике пола», осуществляется тоже на страницах этого журнала. Таким образом, имена Пшибышевского и Андреева попадают в общее смысловое поле, невольно сближаясь и в контексте дискуссии о «половом вопросе»³. Разъясняя свою теорию пола, Пшибышевский пишет о «половом инстинкте» как о дремлющем в каждом культурном человеке («*homo sapiens*», по названию его романа) звере – как тут российскому читателю было не вспомнить недавнюю шумиху вокруг «Бездны».

Творчество Андреева и Пшибышевского в критическом дискурсе начала века сопрягается в самых различных контекстах – от философского до психиатрического и психопатологического (Ф. Рыбаков, В. Львов). Приведем только одну, но очень знаменательную книгу, сближающую их в контексте «большого искусства»: «критико-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском (в правописании автора так. – Г. Б.) и др. современных писателях» под примечательным названием «Кошмары жизни» О. Кубе⁴. Обращает на себя внимание то, что автор, ориентируясь на «дух времени», а возможно, и не без конъюнктурных расчетов, выносит в заглавие своей книги только два имени «современных писателей» – Андреева и Пшибышевского.

Наконец, важным этапом в осмыслиении творчества Пшибышевского стала статья А. Белого «Пророк безличия» (1909), представляющая собой интерпретацию творчества польского писателя с позиций символизма [3]. В основу этой статьи (впервые опубл.: Киевская мысль. 1909. № 133 (15 мая)) легла лекция «Современность и Пшибышевский», прочитанная им в марте 1909 года в Киеве, а еще раньше, в ноябре 1908 года, в театре В. Комиссаржевской перед спекта-

клем по пьесе Пшибышевского «Вечная сказка». Фиксируя отсутствие у Пшибышевского связей между внешним и внутренним, то есть того, что составляет саму суть символа, Белый «отмежевывает» Пшибышевского от символистов [3; 13], как отказывает он (в статье «Анатэма») в праве называться символистом и «сентенционистом» Андрееву [2; 372].

Несомненно, читатель русских газет и журналов был в курсе всех приведенных нами высказываний и сопоставлений, а медийный дискурс активно впитывал авторитетные мнения и продолжал их развивать.

Драматургическая практика русского и польского писателей стала еще одной сферой сопряжения их имен в прессе, и тенденция ссыльяться на Пшибышевского при анализе андреевских пьес была весьма устойчивой.

Так, одесский фельетонист, подписавшийся Гном, усматривает в андреевской «Жизни Человека» явное влияние Пшибышевского – и в языке, и в символизме образов, и в общей для них философии пессимизма⁵. По поводу пьесы Андреева «Анфиса» (1909) в «Обозрении театров» появляется рецензия с примечательным названием «Возврат к «полу»», автор которой констатирует обращение Андреева к «жгуче жизненной» «проблеме пола»: «над пьесой клубится пряный дух Пшибышевского»⁶. «Трагедию пола», «нечто из Станислава Пшибышевского» увидел в «Анфисе» и С. Глаголь⁷. Близость символико-мистических образов Бабушки в андреевской «Анфисе» и Мокриной в «Снеге» Пшибышевского подмечает В. Шмидт⁸. Наконец, Е. Колтоновская сопоставляет «Савву» (1906) с романом Пшибышевского «Дети Сатаны» (1899) [5]. Как видим, пьесы Андреева и Пшибышевского воспринимались в едином русле символистско-декадентской литературы.

В 1913–1914 годах, уже имея репутацию успешного драматурга, Андреев пишет два письма о театре [1] (запланированное третье так и не было написано), в которых делятся своими мыслями о новой драме. Десятилетием раньше, чем Андреев, Пшибышевский тоже обнародовал свои идеи о театре будущего: в программном эссе «О драме и сцене» (O dramacie i scenie) – сначала на польском языке, в 1902 году, а два года спустя – в журнале «Театр и искусство» (1904. № 49–50) на русском. Во взглядах, изложенных в декларациях двух писателей, можно обнаружить много сходного – и в культе *души* на сцене, и в провозглашаемом обоими отказе от театра как зрелища, и в требовании убедительности игры. Вслед за Пшибышевским, отрицающим «туманные символы» и предлагающим вывести на сцену «живой символ» [6; 318], во плоти и крови, Андреев выражает сомнение в том, что символистские пьесы в духе Метерлинка способны быть психологически убедительными. «Нагая

душа» Пшибышевского – некий прообраз андреевской «психе», исследование глубин которой должно, как считает автор писем о театре, стать единственным содержанием новой «синтетической драмы».

Вообще, панпсихизм, по Андрееву, вызрел уже в творчестве Чехова и в практике русского психологического романа (отсюда, по его мнению, обращение Художественного театра к постановке на сцене Достоевского). Романы Пшибышевского, безусловно, тоже были логически необходимым звеном в его собственной драматургической практике, тем более что типологически они чрезвычайно близки его же пьесам – и транслируемой философией, и мотивно-тематическим репертуаром, и типажами, и стереотипными ситуациями. В творчестве Андреева явным шагом в направлении межродового синтеза стали трагедии «Анатэма» (1909) и «Океан» (1911), крайне напоминающие «драмы для чтения» (Ledendrama) – последняя первоначально даже имела жанровый подзаголовок «опыт романа-трагедии». Для обоих, как видим, не только на практике, но и на программном уровне граница между эпическим и драматическим весьма прозрачна.

Может показаться, что Андреев акцентирует внимание на *мысли* как на одном из главных героев драмы «панпсихе», в то время как Пшибышевский ее игнорирует и концентрируется исключительно на *душе*. Вероятно, формат эссе не позволял ему проговорить все обертоны теории «нагой души», но в романе «Сыны земли» (1906) Пшибышевский устами героя – Черкасского, который с триумфом ставит в Кракове свою пьесу и рефлексирует над своим успехом с беседе с приятелем Шарским, – формулирует недостающее, требуя вывести на сцену *сердце и мозг* человека⁹.

Заметим, что *душа* – ключевое понятие во многих эстетических декларациях новой драмы (и вообще нового искусства, если вспомнить мтерлинковское «евангелие символизма» «Сокровище смиренных» (Le Tresor des humbles (1896), эстетическое кредо журнала «Золотое руно»), расставающейся с культом идей на сцене. Очевидно, что Андреев, как и Пшибышевский, выстраивает свои положения о театре на этом ключевом для европейского модернизма концепте, вкладывая в него, впрочем, содержание, свойственное новой эпохе и не сводимое к традиционному психологизму – отсюда желание обоих писателей найти этому понятию иное определение («нагая душа», «психе», «панпсихизм»). «Обнажение» на сцене потаенных глубин души у обоих драматургов часто имело мифологическую праоснову: ключевой в творчестве Пшибышевского миф об андрогинности человека; изображение заглавной героини как воплощения морбидного женского начала, с проекцией на Саломею, в пьесе Ан-

дреева «Екатерина Ивановна» (1912); опора на миф о «вечном возвращении» и метаморфозах души-Психеи в его же пьесе «Тот, кто получает пощечины» (1915). Воссоздавая в жизнеподобных декорациях и обстоятельствах мятежную, экстатическую жизнь души и предлагая в своих пьесах некий художественный синтез театральной традиции и собственно новаций, оба автора рисковали мотивированностью характеров и положений, что часто ставилось им в упрек.

Подведем итоги. Основанием для сближения драматургии Пшибышевского и Андреева служили и явственно осознаваемая критикой близость мировоззренческих и эстетических установок двух писателей, и их художественная практика – на уровне мотивно-тематического репертуара, символики, языка и стиля. Оба писателя транслировали в своих пьесах актуальную для русского читателя философию пессимизма и индивидуализма, обращались к острым противоречиям современной жизни, в изображении которых концентрировались на исключительном, граничащем с патологией. Важную роль в создании ассоциативности двух имен для русского читателя сыграли издательская политика журналов «Весы» и «Золотое руно» и актуальная в критическом дискурсе дискуссия о «половом вопросе» в литературе.

Во многом восприятие Андреева как «двойника Пшибышевского» (в том числе в драматургических опытах) носило характер поиска прецедентности новациям русского писателя в европейском искусстве, знаковой фигурой которого воспринимался польский декадент. Пшибышевский, обладатель статуса культового автора в славянском культурном пространстве, пропагандист философии Ницше, экстатик и жизнетворец, как нельзя лучше подходил на эту роль: во-первых, он ассоциировался с европейским искусством, во-вторых, все-таки являлся частью и российского / славянского культурного пространства тоже. Русская критика и русский читатель часто сближали Андреева и Пшибышевского как выразителей ницшеанского духа дерзновенного индивидуализма, забывая о существенном различии мировоззренческих установок двух писателей – абсолютизации пола в философии польского писателя и близкой к экзистенциализму метафизике писателя русского. Индивидуальные контуры двух художественных миров зачастую сливались в общие очертания «декадентства».

Наконец, следует учесть и то обстоятельство, что у Пшибышевского и Андреева могли быть, помимо Ницше, и другие общие «учителя». А именно П. Бурже, повлиявший на дискурс о декадансе в Германии [7] (Пшибышевский, начинавший как немецкоязычный писатель, не мог не знать его «Эссе о современной психологии» («Essais de Psychologie Contemporaine» (1883))

и на молодого Андреева (роман Бурже «Ученик» (1889), построенный на коллизии страстей, идей и экспериментирования, стал одним из метасюжетов в творчестве Андреева и отчасти «жизнетворческой практикой») [5]. Таким образом, в случае Андреева и Пшибышевского можно вести речь о типологической общности поисков, определяемой модернистской парадигмой. Если принять к сведению близость драматургических установок двух писателей, рецепция пьес Андреева современниками «в шлейфе» театральных опытов Пшибышевского предстает более понятной и внутренне мотивированной.

Предпринятое сопоставление позволяет увидеть в творчестве двух писателей художественно-смысловые универсалии эпохи, обнаружить некую инвариантность линий развития драматургии на рубеже веков. Не вызывает сомнения чуткость обоих писателей к ритму культурно-исторического процесса, что позволило им предугадать и наметить в своих драматургических исканиях тенденции, связанные с новыми формами культурного синтеза в театре – в частности

стремление к синтезу эпического и драматического, к повороту от «идейности», возвращенной позитивизму, к исследованию души, глубин подсознания. Очевидно также, что практика сценической реализации драматургических новаций Пшибышевского и Андреева наталкивалась на одинаковые препятствия, связанные с инерционной театральной культурой того времени, и только в случае новаторского режиссерского подхода к их пьесам (Мейерхольд) возникал успех воплощения.

Творческое наследие Пшибышевского и Андреева постигла схожая судьба. Литературные репутации обоих писателей можно описать как последовательную смену статусов: «модный / популярный автор», «вытесненный из актуального литературного сознания», «вновь вернувшийся к читателю». Очевидны актуализация драматургических новаций обоих писателей в наше время, возрождение интереса к их пьесам, о чем свидетельствуют их многочисленные современные переиздания и постановки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поляцкий А. Что теперь читают? // Киевские вести. 1908. № 77 (19 марта). С. 2; Глухова Л. В., Либова О. С. Чтение – национальная традиция России (1861–1917) // Чтение в библиотеках России. Вып. 5. СПб., 2003. С. 32–33.
- ² Чуковский К. Пшибышевский о символе: Письмо из Одессы // Весы. 1904. № 11. С. 33–37.
- ³ Пшибышевский С. Pro domo mea // Пшибышевский С. ПСС: В 10 т. Т. 6. М.: Тип. В. М. Саблина, 1910. С. 31–41.
- ⁴ Кубе О. Кошмары жизни. Критически-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском и др. совр. писателях. СПб.: Тип. А.С. Суворова, 1909. 76 с.
- ⁵ Гном. «Жизнь Человека» Леонида Андреева // Новое обозрение. Одесса. 1907. № 210 (1 апр.). С. 3.
- ⁶ Ал. Возврат к «полу» // Обозрение театров. 1909. № 867 (7 окт.). С. 8.
- ⁷ Глаголь С. Анфиса // Утро России. 1910. № 91 (27 янв.). С. 6.
- ⁸ Шмидт В. «Анфиса» Л. Андреева // Бодрое слово. 1909. № 24. Декабрь. С. 47–62.
- ⁹ Пшибышевский С. Сыны земли // Пшибышевский С. ПСС: В 10 т. Т. 2. М.: Тип. В. М. Саблина, 1910. 191 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л. Н. Письма о театре // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Худ. лит., 1996. Т. 6. С. 509–558.
2. Белый А. Анатэма // Белый А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М.: Изд-во «Республика»: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2012. С. 370–373.
3. Белый А. Пророк безличия // Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. С. 10–19.
4. Козьменко М. В. Писатель Поль Бурже и гимназист Леонид Андреев: (Круг чтения и парадигмы поведения и письма) // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 108–116.
5. Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2а: Анnotatedный каталог рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / Сост. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 168 с.
6. Пшибышевский С. О драме и сцене // Пшибышевский С. Заупокойная месса: Проза, пьеса, эссе. М.: Аграф, 2002. С. 303–320.
7. Хвостов Б. А. Литература декаданса в Германии (к современному состоянию проблемы) // Новые российские гуманитарные исследования. Электронно-периодическое издание ИМЛИ РАН. 2012. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=446&binn_rubrik_pl_articles=196.

Boeva G. N., Nevsky Institute of Language and Culture (St. Petersburg, Russian Federation)

DRAMATURGIC INNOVATIONS IN S. PRZYBYSZEWSKI AND L. ANDREEV WORKS: PERCEPTION ASPECT

The perception of Leonid Andreev as Stanisław Przybyszewski's “double” in Russia of the beginning of the 20th century could, to a large extent, be explained by the desire to find some kind of equivalent in European literature for the innovative character of the Russian writer. The decadent Przybyszewski, being a “cult” writer of the Slavic world, fit this role perfectly. The publishing policies of the magazines *Golden Fleece* and *The Scales*, as well as the public discussions of the sexual question in literature at the turn of the century played an important role in the creation of association between these two names for the Russian reader. Both writers in their works dwelt on the philosophy of pessimism and individualism, topical for the Russian reader at the turn of the century, although the difference between Przybyszewski's “metaphysics of genders” and Andreev's metaphysical explorations was often ignored. Both of

them turned their attention to acute contradictions of contemporary life. Depicting this life they focused on the exceptional on the verge of pathology. Multiple critics of the writers' works saw similarity of dramaturgical practice through their choices of themes and motifs, as well as through the chosen symbolism, language, and style. One can find much in common in the playwrights' theoretical principles: rejection of spectacularity, declaration of the "living symbol," and in their ambition to feature the life of "the naked soul" ("psyche") on the stage. At the same time, for both writers, the concept so essential for European modernism, is not equivalent to traditional psychologism. The writers are similar in their daring exploration of the depths of the subconscious, in the use of myths, and in the search of new synthesis on the stage – the synthesis of the epic and the dramatic. The juxtaposition, undertaken in this article, leads to a discussion of typological similarity of the innovations in Przybyszewski's and Andreev's works, which were defined by the modernist paradigm. The destiny of the writers' dramaturgical heritage has also been similar: after their phenomenal success they were forgotten for a long time, and now their literary heritage is gaining its cultural topicality again.

Key words: Stanislaw Przybyszewski; Leonid Andreev; theater; dramaturgy; innovation; reception; symbolism; criticism

REFERENCES

1. Andreev L. N. Letters on the theater [Pis'ma o teatre]. *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Complete Works in 6 vol.]. Vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1996. P. 509–558.
2. Belyy A. Anatema [Anatema]. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Complete Works in 9 vol.]. Vol. 8. Moscow, Respublika: Dmitriy Sechin Publ., 2012. P. 370–373.
3. Belyy A. The Prophet of impersonality [Prorok bezlichiya]. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Complete Works in 9 vol.]. Vol. 8. P. 10–19.
4. Koz'menko M. V. The Writer Paul Bourge and the Grammar-school Boy Leonid Andreev: (The Circle of Reading and Paradigms of Behavior and Letter) [Pisatel' Pol' Burzhe i gimnazist Leonid Andreev: (Krug chteniya i paradigm povedeniya i pis'ma)]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New philological messenger]. 2009. № 3 (10). P. 108–116.
5. Leonid Nikolaevich Andreev: *Bibliografiya. Vyp. 2a: Annotirovanny katalog retsenziy Slavyanskoy biblioteki Hel'sinskogo universiteta* [Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliography. Issue 2a: The Annotated Catalog of Reviews of Slavic Library of the Helsinki University]. Col. by M. V. Kozmenko. Moscow, The Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 168 p.
6. Pшибышевский S. About Drama and the Stage [O drame i tsene]. *Zaupokoynaya messa: Proza, p'esa, esse* [Requiem mass: Prose, play, essays]. Moscow, Agraf Publ., 2002. P. 303–320.
7. Khvostov B. A. Decadence Literatura in Germany (To a Modern State of a Problem). *New Russian humanitarian researches. Electronic periodical of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*. 2012. № 7. Available at: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=446&binn_rubrik_pl_articles=196

Поступила в редакцию 10.08.2015